

Вакилев Тимур Рамилевич

соискатель кафедры истории отечества,
государства и права
Пензенского государственного университета

**ФОРМУЛЯРНЫЕ СПИСКИ
ЧИНОВНИКОВ В ЭПОХУ НИКОЛАЯ I
И ИХ ЗНАЧЕНИЕ
В МЕХАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ**

Аннотация:

В статье автор рассматривает сегмент государственной политики Российской империи, представленный подготовкой формулярных или послужных списков чиновникам. Целью работы являлось рассмотрение этапов развития формуляра, эволюцию его структуры и содержания. Новизной данной статьи выступает комплексный взгляд на послужной список как на феномен системы управления и контроля в эпоху правления Николая I.

Ключевые слова:

послужной список (формуляр), чиновничество, Сенат, Герольдия, Инспекторский департамент, Николай I, абсолютизм, контроль.

Vakilev Timur Ramilevich

PhD applicant,
History of the Country, State and Law Department,
Penza State University

**OFFICIALS' SERVICE RECORDS
DURING THE EPOCH OF
NICHOLAS I IN THE CONTEXT OF
STRENGTHENING CONTROL
OVER THE RUSSIAN SOCIETY**

Summary:

The article deals with a segment of the state policy of the Russian Empire represented in preparation of the service records for the bureaucracy. The author focuses on the stages of the service record development, evolution of its structure and content. The scientific relevance of the research is a complex interpretation of the service record as a phenomenon of the administration system during the epoch of Nicholas I.

Keywords:

service record (official list), officialdom, the Senate, the Heralds Office, the Inspectorial department, Nicholas the First, absolutism, control.

Характер царствования Николая I, его воззрения на проблему управления государством выдвигали на одну из первых ролей фигуру чиновника. Прежде власть в основном опиралась на дворянина, офицера. Особенно наглядно это проявилось в эпоху дворцовых переворотов. При Николае I наряду со служилым сословием появляется и еще одна опора трона – чиновничество. Объяснения этому процессу лежат как в субъективной, так и в объективной плоскости. С одной стороны, как отмечают все современники, события 14 декабря 1825 г. явились сильнейшим потрясением для молодого царя, поскольку против него выступили представители дворянства и офицерства. Стал очевиден вопрос поиска и создания иного, альтернативного верноподданного слоя.

С другой стороны, шел процесс усложнения управления государством, требовавший количественного роста бюрократии. По оценкам П.А. Зайончковского, с конца XVIII к середине XIX в., чиновничество увеличилось с 15–16 до 61 тыс. чел., а к концу 1850-х гг. еще на 30 тыс. То есть с 1796 по 1857 г. количество чиновников выросло в 6 раз [1, с. 66–68]. Одновременно усложнялась и развивалась социально-экономическая жизнь страны.

Сам термин «чиновник» происходит от слова «чин». Это люди, которые в своем большинстве полностью зависели от жалования, то есть их благосостояние определялось государством. Как отмечал Ю.М. Лотман, чиновник, зависящий от жалования и чина, то есть, в конце концов, от государства, оказался в России наиболее надежным его слугой [2, с. 32]. Рост значимости чиновничества при Николае I явственно прослеживается через административные и структурные преобразования в высших органах власти. До 1848 г. вопросами, связанными с правильным ведением формуляров, достоверностью сведений о чиновниках, производством в чины и прочими аспектами гражданской службы в целом ведала Герольдия, докладывавшая обо всем этом Сенату. Однако именным указом, данным Сенату 5 сентября 1846 г. при Первом отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, образовывался новый орган – Инспекторский департамент гражданского ведомства [3]. Он наделялся функциями чинопроводства, определением на службу и увольнением от нее всех классов чиновников и т.д. Таким образом, важнейшие рычаги управления администрацией переходили от Герольдии к новому департаменту в составе Канцелярии государя, то есть непосредственно под его контроль [4, с. 149–152]. Герольдия в прежнем виде просуществовала до 12 июля 1848 г., когда она была преобразована в Департамент Правительствующего Сената с наименованием «Департамент Герольдии» [5]. Этому органу были оставлены многочисленные, но второстепенные функции,

как составление гербов дворян и городов, вопросы о почетном гражданстве, выдача патентов на чин и прочие [6, с. 309–330].

Остановимся на рассмотрении системы прямой и обратной связи правительства и местной бюрократии на примере формулярных списков чиновникам. Процесс этот выражался в появлении целой череды различных актов и указов верховной власти, постепенно формировавших и корректировавших ключевые аспекты в развитии формуляра. Прежде всего, следует остановиться на ст. 1411, т. III «Уставы о службе гражданской» Свод законов Российской империи (издание 1857 г.): «Все места и лица должны о службе каждого находящегося в их ведомстве чиновника и канцелярского служителя содержать особый акт, именуемый послужным (формулярным) списком» [7]. Ниже в тексте документа приведены основные девять узаконений предыдущих лет, так или иначе регламентировавших порядок составления и предоставления списков.

Первый из перечисленных в ст. 1411 указов относится к 31 октября 1771 г. «О присылке из всех присутственных мест списков и служащих и не служащих дворянах, по прилагаемой форме». Указ еще раз напоминал о своевременном предоставлении в Герольдию формуляров, поскольку имели место быть частые задержки, а то и вовсе отсутствие списков. В качестве образца прилагался экземпляр списка из 9 пунктов [8]. Следующим шагом являлся закон, вышедший 15 марта 1798 г., еще раз подтверждавший порядок предоставления и форму послужных списков. Он относился к царствованию Павла I и назывался «О присылке в Герольдию ежегодно к 1 октября послужных списков о классных чиновниках» [9]. 23 декабря 1815 г. вышло очередное постановление, направленное на борьбу со злоупотреблениями в среде чиновников. Само название «О неопределении никого из чиновников в две или три должности; о производстве столовых денег вдвойне, а квартирных тем чиновникам, кои пользуются казенными квартирами...» [10] недвусмысленно указывает на это. Текст указа перечисляет факты подобных нарушений.

Параллельно с вышеперечисленными постановлениями ряд указов регламентировал непосредственно порядок заполнения формуляров, требуя от служащих точных сведений. Так, указ от 15 мая 1817 г. предписывал вносить в список только «действительные награды, а не удостоверение к оным» [11]. А после 13 июля 1827 г. гражданские чиновники должны были указывать в формулярах недвижимые имущества, как родовые, так и благоприобретенные [12]. Наряду с этим правительство уделяло внимание и достоверности предоставляемых чиновниками сведений, в частности, в вопросе о сословной принадлежности, что было отражено в указе от 30 марта 1828 г. [13]

Таким образом, очевидно стремление правительства добиться от чиновничества предоставления наиболее объективных сведений. Однако не только этот существенный пункт являлся предметом забот власти. Немаловажным представлялся вопрос своевременности доставки послужных списков, очевидно, учитывая территориальный фактор империи. Тем не менее, несмотря на указы Сената о своевременном доставлении формулярных списков каждые полгода, эти распоряжения систематически не выполнялись. На протяжении XVIII в. Сенат как минимум 6 раз рассылал напоминания о своевременном предоставлении послужных списков: в 1739, 1744, 1746, 1760, 1764 и 1771 гг. [14]. В частности, в указе 1771 г. говорилось: «...из многих Правительств и Канцелярий таковые списки не ежегодно присылаются, а от иных и совсем в присылке не было, чего ради Герольдии и обстоятельных списков сочинить не можно...» [15]. В первой половине XIX в. можно обнаружить несколько подобных напоминаний. Так, например, 19 июля 1800 г. вышло «Подтверждение, чтобы списки о службе чиновников ежегодно доставляемы были в Сенат...» [16]. Тон документа отличался резкостью. Местным властям настоятельно рекомендовалось взять себе «за правило доставлять списки в нужный срок <...>, не ожидая других подтверждений». В ультимативной форме сообщалось, что Сенат делает такое предупреждение в последний раз. Однако спустя 42 года, 28 января 1842 г., было опубликовано постановление «О своевременном предоставлении в Герольдию формулярных списков о службе и сведений о всех классных чиновниках» [17]. Вновь напоминалось местным властям и присутственным местам о необходимости своевременно доставлять формуляры во избежание появления неточностей и неисправностей.

Предпринимаемые меры для исправления ситуации носили чисто декларативный характер. Сенат в очередной раз требовал точного исполнения сроков составления и предоставления формуляров: «...о чем к министрам, генерал-губернаторам, военным и гражданским губернаторам, градоначальникам, в губернские и областные правления и присутственные места послать указы» [18]. Можно только догадываться о том объеме бумаг и числе курьеров, потребовавшихся только для того, чтобы в очередной раз напомнить (пусть и «строжайше») о сроках исполнения.

Однако описанная ситуация с постоянными задержками формуляров наблюдалась не только в отношениях центральной и местной власти, но и на местном уровне, как это показывает пример Пензенской губернии. Центральное губернское учреждение – губернское правление – неоднократно направляло запросы в канцелярию губернатора с просьбой «в равные сообщить, а

подчиненным послать указы, чтобы послужные списки о чиновниках доставлялись в губернское правление непременно...» [19]. Запросы удовлетворялись, но с опозданием. Система постоянных напоминаний и требований проецировалась и на губернский уровень администрации.

Отвечая на вопрос о причинах подобной практики местных властей и присутственных мест в отношении распоряжения начальства, можно предположить, что перед нами все же не целенаправленный саботаж. Любопытный тезис в целом о глубинных причинах злоупотреблений высказал Ю.М. Лотман. Параллельно указывая на политику правительства, зачастую порождавшую их (например, фаворитизм, ставший едва ли не своеобразным государственным институтом, а низкое жалование просто вынуждало чиновника становиться взяточником), он отмечал, что «жизнь откладывалась в свои формы, имела свои законы, и эти законы не умещались в какие-то параграфы и побеждали параграфы» [20]. Обычаи, сила родства, наконец, просто реалии жизни противостояли попыткам всеобщей регламентации со стороны правительства. Примерно об этом же писали и современники. Так, саратовский губернатор А.М. Фадеев, повествуя о своей деятельности на этом посту, крайне негативно оценивал выпущенный правительством «Наказ гражданским губернаторам», поскольку выполнить этот подробнейший свод инструкций было выше любых человеческих сил, а большая часть указаний в нем – «суть фантазии» [21]. Парадоксально, но чем больше николаевское правительство и сам государь пытались навести порядок и регламентировать все стороны жизни, тем менее эффективно у них это получалось. Внешняя, фасадная упорядоченность оборачивалась злоупотреблениями, нарушениями и беспорядком.

Особо следует остановиться на нормативных документах, которые регламентировали содержание послужного списка, а именно на пунктах (графах) для заполнения в формуляре, и проследить, как во времени менялось их количество и содержание. Структуру и порядок подачи формулярных списков гражданских чиновников можно почерпнуть из текста указа Сената от 31 января 1764 г., в частности в нем провозглашалось: «...всем присутственным местам присылать в Сенат кто какими чинами происходил и добропорядочно ли поступал, не был ли в штрафах...» [22]. Упомянутый указ Сената от 31 января 1764 г. содержал и прилагаемую форму – анкету из 9 пунктов, задача которых была охарактеризовать того или иного чиновника в плане его профессиональной пригодности. Данные пункты содержали самые основные сведения, такие как биографические данные, основные этапы карьеры и продвижения в чинах, участие в походах, штрафы (если были) и рекомендации о способности к повышению в чинах и продвижению по службе. Указанные 9 пунктов формуляра просуществовали вплоть до 1828 г. Вносимые изменения в структуру граф были незначительные. К ним можно отнести появление сведений о семье и объединение некоторых пунктов, что видно, например, из формулярного списка пензенского вице-губернатора В.М. Прокоповича-Антонского, составленного в 1826 г. [23].

Следующим значительным шагом в развитии формулярных списков стал сенатский указ от 13 сентября 1828 г. – «С приложением формы послужных списков для гражданских чиновников» [24]. В приложении имелся образец расширенного формуляра уже из 15 пунктов, что свидетельствует об усложнении послужного списка, поскольку все больше сторон жизни и карьеры чиновника он старался охватывать. Новый формуляр образца 1828 г. требовал указывать более подробную информацию о таких сторонах жизни чиновника, как, например, имущество родовое и приобретенное. Если служащий был женат, то супруга также указывала свою собственность. Добавились пункты, содержавшие сведения о пребывании в отпусках, отставках с награждением чином, а также о семейном положении. На рубеже 1820–1830-х гг. новый вид формуляра стал применяться повсеместно, включая и местную администрацию, о чем свидетельствует, например, «Список о службе чиновников Пензенского губернского правления» за 1831 г. [25].

Однако и введенная расширенная форма списка с 15 пунктами не осталась без изменений. Несмотря на то, что количество граф сохранилось до конца царствования Николая I (то есть почти 27 лет, что подтверждается формулярами середины 1850-х гг. [26]), объем информации о чиновнике, на кого составлялся послужной список, увеличивался. Например, в 1835 г. государь император согласился с предложением министра юстиции Д.В. Дашкова и нашел не лишним впредь указывать в формуляре вероисповедание чиновника, а также его жены и детей, о чем 12 марта того же года был выпущен соответствующий указ [27]. Вероисповедание служащего заносили в 1-й пункт (наряду с именем, чином и должностью), а жены и детей в последний, 15-й. Действительно, документы это подтверждают, достаточно сравнить формуляры Пензенского губернского правления за 1833 г. [28], где эти данные не значатся, и за 1836 г., где уже указывается вероисповедание (в массе, согласно терминологии 1830-х гг., «грекороссийское») [29].

Процесс детализации сведений о служащих продолжался. 16 июля 1849 г. вышел указ «О форме послужного списка для гражданских лиц» [30], к которому прилагалась новая утвержденная форма списка, сохранявшая количество граф в числе 15, но включавшая новые дополнительные сведения. В каждой графе были расписаны примеры заполнения формуляра с вари-

антами. Помимо уже упомянутых данных о вероисповедании, в 7-й графе наряду с указанием основных этапов службы, например, требовалось сообщить о полученном воспитании или образовании. В формулярах, составленных по особому случаю, таких, как представление чиновника к знаку отличия за беспорочную службу, количество пунктов варьировалось, вероятно, в зависимости от чина и должности удостоиваемого. Так, в «Списке о службе» секретаря Пензенской градской думы, губернского секретаря (XII класс) П.А. Горизонтова, представляемого к знаку за беспорочную службу, значится всего 6 граф для заполнения [31]. В формуляре на вице-губернатора, статского советника (V класс) В.М. Прокоповича-Антонского, уже насчитывалось 18 пунктов [32].

Вопрос достоверности формуляров остается открытым. Не обходилось без казусов. Ф.П. Лубяновский, занимавший должность пензенского губернатора с 1819 по 1831 г., как отмечает составитель сборника «П.А. Вяземский. Записные книжки» В.С. Нечаева, нажил на взятках огромное состояние, поразившее Николая I, просматривавшего его формуляр. Государь запросил сведения о способах его приобретения, на что губернатор ответил, что «состояние приобретено литературными трудами и вообще честными занятиями» [33].

Такой эпизод, если верить мемуарам действительного тайного советника, сенатора К.И. Фишера, был не единичным случаем. Вспоминая о 1840-х гг., он писал, что Николай I, «желая вывести воров из службы», лично просматривал формулярные данные о приобретенном чиновниками имуществе и выяснял, на какие средства это сделано. Однако нередко ответы содержали явную насмешку. В качестве примера, К.И. Фишер приводит пояснение одного чиновника, утверждавшего, что «имение приобретено женою на подарки, полученные ею в молодости от графа Бенкендорфа» [34, с. 435]. Разумеется, умерший в 1844 г. граф, при жизни отличавшийся забывчивостью, уже не мог это подтвердить.

К завершению царствования Николая I все, что касается формуляров, было собрано в Своде законов Российской империи, в томе третьем «Уставы о службе гражданской», разделе шестом «Об актах и доказательствах служебного состояния» [35]. Всего насчитывается 29 ст. (номера с 1411 по 1439 по общей нумерологии тома). Они охватывают все возможные нюансы документации, относящиеся к гражданской службе чиновника.

Очевиден пошаговый процесс упорядочивания и регламентации деятельности бюрократического аппарата посредством формуляра, как ее отражения. Послужной список являлся, по сути, основным официальным инструментом контроля, подбора, учета и распределения должностных лиц, поскольку содержал, с точки зрения властей, все необходимые сведения о служащем, выступал неким зеркалом не только его карьеры, но и жизни в целом. Формуляр был элементом системы прямой и обратной связи между правительством и чиновниками.

Со своей стороны правительство добивалось от чиновничества составления и ведения формуляров, регламентировало занесение в них именно тех сведений, которые считало необходимыми, следило за достоверностью списков. Особое внимание было уделено своевременности предоставления запрашиваемых сведений. Чиновничество реагировало на эти запросы. Но жизнь накладывала свой отпечаток на этот процесс. Формуляры часто присылались с опозданием, их содержание не всегда соответствовало действительности, а если сведения и были подлинными, вставал вопрос их интерпретации.

Усложнение структуры послужного списка в эпоху Николая I, повышение его информативности являлось, с одной стороны, следствием роста численности бюрократического аппарата, с другой – отражением общей политики николаевского правительства, делавшего ставку на чиновника, на повышение его статуса. Для этого была необходима полная и достоверная информация о нем, оформленная в формуляр. Усиление контроля над чиновничеством вписывается в общий процесс проводимой Николаем I политики по регламентации всех сторон жизни. Общество испытывало на себе нарастающее давление, и служащие лица не были исключением. Непосредственный руководитель служащего должен был заверять формуляр и аттестовать в нем чиновника двумя характеристиками: «имеет/не имеет способности к службе» и «достоин/не достоин продвижению в чинах». Формуляр выступал в данном случае не только как некий аттестующий документ, содержащий описание деловых качеств чиновника, но и как определенное средство контроля, бросающее свет на личностные и моральные характеристики служащего.

Ссылки:

1. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. 288 с.
2. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб., 1994. 578 с.
3. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ) // Собр. второе. Т. XXI. Отд. II. № 20401.
4. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. 352 с.
5. ПСЗРИ // Собр. второе. Т. XXIII. № 22269.
6. История правительствующего Сената за двести лет 1711–1911. СПб., 1911. Т. III. 711 с.

7. Свод законов Российской империи // Второе отд. С.Е.И.В. Канцелярии. СПб., 1857. Т. III. № 1411. тип.
8. ПСЗРИ // Собр. первое. Т. XIX. № 13690.
9. Там же. Т. XXV. № 18440.
10. Там же. Т. XXXIII. № 26041
11. Там же. Т. XXXIV. № 26862.
12. ПСЗРИ // Собр. второе. Т. II. № 1240.
13. Там же. Т. III. № 1904.
14. Там же. Т. XIX. № 13690.
15. Там же.
16. ПСЗРИ // Собр. первое. Т. XXVI. № 19488.
17. ПСЗРИ // Собр. второе. Т. XVII. Отд. 1. № 15254.
18. Там же.
19. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 2412.
20. Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 59.
21. Фадеев А.М. Воспоминания // Русский архив. 1891. Т. V. С. 21.
22. ПСЗРИ // Собр. первое. Т. XVI. № 12030.
23. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 983.
24. ПСЗРИ // Собр. второе. Т. III. № 2278.
25. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1513.
26. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2914, 3123.
27. ПСЗРИ // Собр. второе. Т. X. № 7948.
28. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1654.
29. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1778.
30. ПСЗРИ // Собр. второе. Т. XXIV. Отд. 1. № 23401.
31. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2914. Л. 36–40.
32. ГАПО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1654. Л. 50–54.
33. Вяземский П.А. Записные книжки. М., 1963. 338 с.
34. Записки сенатора К.И. Фишера // Исторический вестник. 1908. Т. 112. 1152 с.
35. Свод законов Российской империи ... С. 304–310.

References:

1. Zayonchkovsky, PA 1978, *Government apparatus autocratic Russia in the XIX century*, Moscow, 288 p.
2. Lotman, YM 1994, *Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII – beginning of XIX centuries)*, St. Petersburg, 578 p.
3. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire (hereinafter – PSZRI)*, Coll. 2nd, vol. XXI, dep. II, no. 20401.
4. Eroshkin, NP 1983, *History of state institutions of pre-revolutionary Russia*, Moscow, 352 p.
5. *PSZRI*, Coll. 2nd, vol. XXIII, no. 22269.
6. *History of the Senate for 200 years 1711-1911* 1911, vol. III, St. Petersburg, 711 p.
7. *Code of Laws of the Russian Empire 1857*, vol. III, no. 1411, type, St. Petersburg.
8. *PSZRI*, Coll. 1st, vol. XIX, no. 13690.
9. *PSZRI*, Coll. 1st, vol. XXV, no. 18440.
10. *PSZRI*, Coll. 1st, vol. XXXIII, no. 26041.
11. *PSZRI*, Coll. 1st, vol. XXXIV, no. 26862.
12. *PSZRI*, Coll. 2nd, vol. II, no. 1240.
13. *PSZRI*, Coll. 2nd, vol. III, no. 1904.
14. *PSZRI*, Coll. 2nd, vol. XIX, no. 13690.
15. *PSZRI*, Coll. 2nd, vol. XIX, no. 13690.
16. *PSZRI*, Coll. 1st, vol. XXVI, no. 19488.
17. *PSZRI*, Coll. 2nd, vol. XVII, dep. 1, no. 15254.
18. *PSZRI*, Coll. 2nd, vol. XVII, dep. 1, no. 15254.
19. *State Archive of the Penza region (GAPO)*, f. 6, op. 1, d. 2412.
20. Lotman, YM 1994, *Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII – beginning of XIX centuries)*, St. Petersburg, p. 59.
21. Fadeev, AM 1891, 'Memories', *Russian archives*, vol. V, p. 21.
22. *PSZRI*, Coll. 1st, vol. XVI, no. 12030.
23. *GAPO*, f. 6, op. 1, d. 983.
24. *PSZRI*, Coll. 2nd, vol. III, no. 2278.
25. *GAPO*, f. 6, op. 1, d. 1513.
26. *GAPO*, f. 5, op. 1, d. 2914, 3123.
27. *PSZRI*, Coll. 2nd, vol. X, no. 7948.
28. *GAPO*, f. 6, op. 1, d. 1654.
29. *GAPO*, f. 6, op. 1, d. 1778.
30. *PSZRI*, Coll. 2nd, vol. XXIV, dep. 1, no. 23401.
31. *GAPO*, f. 5, op. 1, d. 2914, l. 36-40.
32. *GAPO*, f. 6, op. 1, d. 1654, l. 50-54.
33. Vyazemskiy, PA 1963, *Notebooks*, Moscow, 338 p.
34. 'Notes of Senator KI Fischer' 1908, *Historical Journal*, vol. 112, St. Petersburg, 1152 p.
35. *Code of Laws of the Russian Empire 1857*, vol. III, no. 1411, type, St. Petersburg, p. 304-310.